

Решения Комиссии по премиям имени Н. Н. Миклухо-Маклая вместе с заключением Бюро Отделения истории и философии Академии Наук СССР утверждаются Президиумом Академии Наук СССР, после чего делается публикация о присуждении премии.

9. Архив и дела Комиссии по премиям имени Н. Н. Миклухо-Маклая хранятся в Отделении истории и философии Академии Наук СССР.

10. Средства, необходимые для выплаты премий, а также на проведение экспертиз, на объявления в газетах и журналах и другие расходы включаются в смету Отделения истории и философии Академии Наук СССР.

11. О предстоящем конкурсе и о присуждении премий имени Н. Н. Миклухо-Маклая публикуется в «Вестнике Академии Наук СССР», в центральных газетах и в «Известиях» Отделения истории и философии и Отделения геолого-географических наук.

12. Если премированные работы не были изданы до присуждения за них премии, Академия Наук публикует их в своих печатных органах, в случае же затруднительности издания работ по техническим причинам, Академия Наук принимает меры к опубликованию премированных работ через соответствующие издательства.

На главном листе работы, удостоенной премии, делается надпись о присуждении премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

13. Решения по работам, удостоенным присуждения премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая печатаются в «Известиях» Отделения истории и философии и Отделения геолого-географических наук.

14. Если Комиссия по премиям признает, что ни одна работа из представленных на премию не заслуживает полной премии, то она входит с предложением в Президиум АН СССР о присуждении премии в половинном размере. Равным образом Комиссия вправе внести предложение разделить премию между двумя соискателями. Во избежание чрезмерного дробления премии, деление ее между тремя и более соискателями не допускается.

Примечание: Порядок и условия распределения премии, присужденной авторским коллективам и научным учреждениям, определяются этими коллективами и учреждениями.

15. При отсутствии работ, достойных премирования, конкурс считается состоявшимся.

Вице-президент Академии Наук СССР академик *И. П. Бардин*
И. о. Академика-секретаря Академии Наук СССР
Член-корреспондент АН СССР *Х. С. Коштойнц*.

ДИСКУССИЯ О ПРОБЛЕМЕ ЭКЗОГАМИИ

8 апреля 1947 г. в Институте этнографии АН СССР состоялось первое заседание вновь организованной группы общей этнографии (руководитель проф. С. П. Толстов), посвященное обсуждению проблемы экзогамии.

С. П. Толстов во вступительном слове охарактеризовал задачи, стоящие перед группой общей этнографии. В первую очередь внимание группы должны привлечь такие общие теоретические и методологические вопросы, входящие в пятилетний план работы Института и объединяющие интересы всех его территориальных и специальных секторов, как проблема первоначального расселения человечества, вопросы периодизации истории первобытного общества, проблема происхождения и истории экзогамии, характер эпохи патриархата, проблемы формирования основных этнографических делений человечества, вопросы происхождения государства и его древнейших, этнографически регистрируемых форм, происхождения и истории первобытной религии, и др. В план работы группы необходимо включить также обзоры новейших течений в зарубежной этнографии и критику реакционных направлений в этой области, особенно оживившихся за последние годы и до сих пор не получивших надлежащего отпора в советской этнографической литературе.

Вводный доклад М. О. Косвена был посвящен историографическому обзору развития проблемы экзогамии, начиная с доморгановских теорий, в основном объяснявших происхождение экзогамии обычаем похищения женщин (Мак Леннан, Леббок, Спенсер, Дарвин), и кончая современным состоянием этой проблемы за рубежом и в советской этнографии. Морган объяснял происхождение экзогамии стремлением избежать кровосмешения. Анализ системы родства привел Моргана к выводу, что развитие экзогамии шло по линии постепенного исключения из брачного общения кровных родственников. Энгельс внес в теорию Моргана значительные коррективы, указав на то, что первым прогрессом в области регулирования брачных отношений в кровнородственной семье было исключение из брачного общения родителей и детей. Ученник Моргана, Файсон, в книге «Камиларон и курнан» дал выразительный, ставший классическим, образец организации племени и брачных отношений — деление на две связанные перекрестным браком половины. Это дало Энгельсу возможность устано-

вить четкую картину развития экзогамии: в кровнородственной семье в первую очередь исключаются из брачного общения родители и дети, затем, на стадии группового брака — братья и сестры и далее — все родственники. Второй этап экзогамии предполагает запрещение общения между родителями и детьми как нечто уже существовавшее до возникновения рода и группового брака. В вопросе о происхождении экзогамии Энгельс далеко не полностью последовал за Морганом и очень осторожно объяснял ее «смутным стремлением ограничить кровосмешение».

Позиция Моргана, связанная с тезисом о начальном промискуитете, вызвала критику со стороны апологетов буржуазной реакционной науки и попытки найти новое объяснение экзогамии. Вестермарк, исходивший из мифической первобытной семьи, объяснял экзогамию отсутствием полового влечения у совместно растущих и воспитывающихся детей. Крупным этапом в истории проблемы экзогамии является выступление по этому вопросу Тэйлора. После того как Тэйлор открыл, что порядок, который он назвал дуальной экзогамией, ведет к постоянному кросс-кузенному браку, т. е. браку между близкими родственниками, стало ясно, что то или иное объяснение экзогамии не может пройти мимо этого факта. Однако последующие попытки истолкования происхождения и сущности экзогамии далеко не всегда это учитывают. М. О. Косвен дал затем обзор соответствующих «теорий» и высказываний Томаса, Робертсона, Смита, Кроули, Дюркгейма, Фрезера, Фрейда, Риверса, Малиновского и др. Что касается трактовки проблемы экзогамии в советской этнографической науке, то поскольку взгляды занимавшихся этой проблемой, в особенности С. П. Толстова, А. М. Золотарева и С. А. Токарева, хорошо известны, докладчик лишь напомнил о них присутствующим. В заключение своего доклада М. О. Косвен вынес на дискуссию следующие вопросы: 1) действительно ли вреден родственный брак? 2) каков источник отращения от инцеста? 3) каково происхождение экзогамии? 4) какова эволюция экзогамии? 5) если экзогамия является избеганием родственных браков, то как объяснить наличие родственных браков при дуальной организации и широко распространенный кросс-кузенный брак? 6) какова связь между экзогамией и тотемизмом? 7) существует ли связь между экзогамией и классификационной системой родства? 8) как объяснить с точки зрения функции экзогамии ее переход из материнской филации в отцовскую?

Содержание последовавших за докладом М. О. Косвена выступлений сводилось к следующему.

Ю. М. Лихтенберг. Вопросы о происхождении экзогамии нужно рассматривать в комплексе с проблемами происхождения классификационной системы родства, дуальной организации, брачных классов и др. Чтобы приступить к изучению этого круга проблем, необходимо установить характер взаимосвязи между этими отдельными социальными явлениями. Принцип обязательного брака, открытый Л. Я. Штернбергом, может содействовать разрешению вопроса о происхождении экзогамии.

Б. О. Долгих. Истоки экзогамии следует искать в противоречии биологических инстинктов человека и условий существования первобытной орды.

П. И. Кушнер. Только путем тщательного исследования материала, а не путем построений, основанных на психологическом рационализме, можно дать ответ на вопрос о происхождении экзогамии, хотя материал, доступный исследователю, представляет большие трудности ввиду его хронологической отдаленности. Для разрешения дискутируемой проблемы необходимы соединенные усилия этнографов, биологов и антропологов.

С. П. Толстов указал, что его взгляды на экзогамию, высказанные им в 1935 г. в статье «Пережитки тотемизма и дуальная организация у туркмен», требуют некоторого уточнения, (в частности, в этой статье им было переоценено значение пологового тотемизма), но в основных положениях остались неизменными. Возражая Ю. М. Лихтенбергу, С. П. Толстов подчеркнул, что брачные классы и род нужно рассматривать как исходное, а кузенный брак как производное явление. Нередко исследователи ошибочно рассматривают групповые (классификационные) термины родства как расширение индивидуальных (неточные формулировки такого рода есть и у Моргана, противореча духу его концепции). На деле первоначально индивидуальное родство вообще не осознается и не играет общественной роли. Поэтому, например, нельзя говорить как об исходной форме о «браке между перекрестно-двоюродными братьями и сестрами», а надо говорить о дуальной организации, поздним производным которой является кросс-кузенный брак в собственном смысле слова. Нельзя искать решение вопроса в исследовании поздних пережитков группового брака у такого высокоразвитого народа, как гилеки, которых лишь условно можно назвать народом первобытным. С. П. Толстов не согласен с мнением С. А. Токарева, А. М. Золотарева и Д. А. Ольдерогге, считающих, что экзогамия произошла от соединения двух родов на почве хозяйственного объединения, закрепленного перекрестными браками. Первобытному человеку было так же трудно дойти до закрепления хозяйственных отношений между коллективами путем взаимных браков, как и обнаружить вредные последствия кровнородственных браков. В книге Кроули «Мистическая роза», при всей неприемлемости его конечных выводов, собран огромный фактический материал по распространенности различного рода половых табу, и на основании этого материала можно заключить, что экзогамия является частным, хотя и наиболее важным случаем

полового табу. Наибольшее число таких половых запретов — табу связано с периодом наибольшей хозяйственной и общественной активности коллектива; для всех первобытных обществ в той или иной мере характерно разобщение полов в период общественной охоты, рыбной ловли, войны. Ленин в одном из писем к Горькому указал, что зоологические инстинкты первобытного человека обуздала не религия, а первобытное стадо, первобытная коммуна. Так как функция воспроизводства у людей распределена на весь год, то общественно нерегулируемые половые отношения в первобытном стаде должны были сопровождаться непрерывными конфликтами, тормозящими хозяйственную деятельность коллектива, и человеческое общество одним из первых своих действий было вынуждено обуздать зоологические инстинкты человека. В частности, инстинкт ревности. Насколько можно судить по археологическим данным, уже в верхнем палеолите возникает род с ним — вся система брачных запретов, важнейшим звеном в развитии которых является экзогамия. Если учесть, что исследованный М. О. Косвенном дислокальный брак является наиболее древней формой локальности брака, то можно легко объяснить смысл экзогамного брака и стремления вообще запретить половое общение в рамках своего хозяйственного коллектива.

Перейдя к вопросу о кровнородственной семье, С. П. Толстов присоединился к аргументам Риверса и Золотарева, позволяющим отвергнуть эту теорию как устаревшую: теория кровнородственной семьи основывается на существовании малайской системы родства, но из первобытных народов элементы этой системы имеются у тех, у которых родовые институты находятся в состоянии крайнего разложения: у полинезийцев и других, не говоря уже о китайцах. Отношения внутри полинезийской большесемейной общины (например маорийское гапу) точно соответствуют отношениям, отраженным в малайской системе родства.

Относительно поставленного М. О. Косвенном вопроса о переходе экзогамного запрета из материнской линии в отцовскую при переходе от матриархата к патриархату С. П. Толстов полагает, что этот переход осуществляется тремя путями: 1) происходит смена материнских норм отцовскими через формы билатеральности; счет по материнской линии играет все меньшую роль, в результате чего слагается экзогамный патриархальный род, в котором, как правило, продолжают существовать некоторые пережитки матриархата; 2) создается так называемый неэкзогамный патриархальный род, при котором вся система половых запретов отрывается от рода, становится системой индивидуальных и также билатеральных запретов (кочевники Средней Азии, арабы-бедуны и др.); 3) материнский род распадается, а патриархальный род вообще не складывался (полинезийцы, вероятно, чукчи).

Н. А. Кисляков в выразил сомнение по поводу необходимости выделять дислокальный брак как определенную стадию брачных отношений. Для Н. А. Кислякова остается неясным значение половых табу в развитии института экзогамии.

В. В. Бунак. Смена форм брачных связей имеет большое значение для понимания изменчивости физического типа человека. При кузенном браке брачуящиеся находятся между собой в четвертой степени родства. Между этой формой экзогамии и внутриродовой эндогамией разница вовсе не столь резка, как обычно предполагают. Решающее значение имеет общая численность рода. Если бы число членов рода измерялось тысячами, то и при отсутствии каких-либо ограничений или поощрений родительские пары оказались бы в среднем не более, чем в четвертой степени родства. В этом убеждает несложный математический расчет. В действительности нужно исходить из гораздо меньшего состава рода, из числа 100—200 человек, что повышает среднее вероятное родство. Однако будет ошибкой предположить, что при каких бы то ни было условиях среднее родство производителей потомства достигало хотя бы второй степени: по особенностям биологии человека рождение детей предполагает более или менее продолжительное и регулярное половое общение, а не случайные половые связи. Поэтому отсутствие запрета половых отношений между близкими родственниками далеко еще не определяет фактической частоты таких отношений.

На вопрос о том, возникли ли экзогамные фратрии путем разделения одной целой орды или путем слияния двух обособленных групп, антропологические данные могут пролить некоторый свет, если учесть изменчивость в пределах локальных групп на протяжении верхнего палеолита. К сожалению имеющийся остеологический материал для этой цели недостаточен. Что касается позднейших стадий, то процессы интеграции играли повидимому большую роль, чем явления дифференциации. Эти факты, как мне приходилось отмечать, имеют важное значение для понимания условий становления расовых типов.

С биологической точки зрения близко родственные браки могут быть и вредными и полезными для потомства, в зависимости от того, каковы эндогенные предрасположения родителей. Тем не менее теснота брачных связей никогда не является безразличным фактором: смещение разнородных задатков повышает изменчивость и шансы возникновения новых благоприятных сочетаний признаков. Конечно, эти факты не могли сознательно учитываться при возникновении брачных запретов. Если два рода, различные по физическому типу, вступают в брачные взаимные отношения, то через несколько поколений разница в физическом типе исчезает и брачные связи становятся эндогамными, оставаясь экзогамными в социальном отношении.

М. Г. Левин. Экзогамия сама по себе не может вызвать изменение физического типа и переход человека от стадии *homo primigenius* к стадии *homo sapiens*.

Социальные факторы создали те условия, при которых в неандертальской орде мог возникнуть новый биологический тип человека. Процесс сапиентации человека и экзогамия тесно связаны: когда вступает в силу экзогамия как определенный институт, когда в человеческой орде социальные институты достигают такой силы, что могут декретировать экзогамию, в этих условиях выступают и те факторы, которые ведут к процессу сапиентации человека.

Н. А. Бутинов остановился на двух вопросах: как понимать возникновение экзогамии, и что такое экзогамия, демонстрировав на двух примерах из истории изучения социальной организации камиларии Морганом и Штеренбергом, как легко можно впасть в ошибку при анализе характера общественной организации, если руководствоваться неправильным пониманием экзогамии.

С. П. Толстов, разъясняя и дополняя высказанные ранее положения и отвечая Н. А. Кислякову, отмечает, что половые запреты чрезвычайно разнообразны; их обилие, сложность и то, что их общая тенденция связана с запретом половых отношений в периоды наиболее интенсивной жизни коллектива — позволяет думать, что в экзогамии эти запреты доводятся до своего логического предела, т. е. брачные отношения в своем хозяйственном коллективе (роде) запрещаются вообще. Пока не существует парной семьи, пока не существует всей системы, утверждающей индивидуальное право одного мужчины на одну женщину и обратно, необходима какая-то система коллективных запретов, регулирующих брачную жизнь коллектива. Экзогамия — первый институт общественного регулирования брака, первая форма брака вообще, ибо там, где нет общественной организации половых союзов, там нельзя говорить о браке. Брак не биологическое явление, а общественный институт. Вместе с экзогамией как первой формой группового брака (взаимный брачный союз двух целых родов) возникает первая форма половой морали, чрезвычайно строго осуществляемой. Представление о групповом браке как о чем-то, связанным со «свободой прав», глубоко неправильно. Первобытные моральные нормы иные, чем позднейшие, но соблюдаются они несравненно строже: как известно, во многих случаях санкцией за нарушение экзогамных правил является смертная казнь.

М. О. Косвен, подводя итоги дискуссии, высказал, что результатом ее должен, по видимому, явиться отказ от объяснения экзогамии единственно на основании стремления избежать родственных браков. Близок, по видимому, к истине С. П. Толстов, представляющий экзогамию как выражение общественной морали. Необходимо услышать окончательное мнение биологов и антропологов по вопросу о вреде родственных браков, чтобы шире осветить эту проблему и укрепиться в наших позициях, а также, чтобы ответить на вопрос, не пришло ли человечество к осознанию этого вреда на более поздних стадиях развития, что могло содействовать укреплению экзогамии в некоторых ее проявлениях.

Закрывая заседание, С. П. Толстов наметил ряд вопросов, необходимость разрешения которых выявилась на дискуссии (вопрос о кровнородственной семье и возрастных ограничениях, вопрос о дуальной организации, о системе брачных запретов, вопрос половой табуации, формы перехода к патриархату и др.). Дальнейшая работа группы в области проблемы экзогамии будет вестись по линии исследования и обсуждения ряда частных вопросов.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

11 февраля 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук окончившим аспирантуру института этнографии И. Ф. Симоненко. Тема диссертации — «Этнический состав населения западных районов Украины». Официальные оппоненты: академик В. И. Пичета и проф. П. И. Кушнер. Диссертация имеет целью показать состояние украинско-польской этнической границы к началу второй мировой войны. В работе дана сжатая характеристика историко-этнографических карт, относящихся к украинско-польской этнической границе, и критический анализ основной литературы и статистических сведений по данному вопросу. Собранный материал показывает несостоятельность теорий, оправдывающих захват Польшей районов Западной Украины, и попыток доказать, что западные украинцы это те же поляки, пользующиеся «особым», «простым» языком. Акад. В. И. Пичета, соглашаясь с конечными выводами автора, подверг работу серьезной критике, указав на ряд имеющихся в ней существенных недочетов в исторической ее части. Проф. П. И. Кушнер остановился главным образом на этнографической части диссертации. Он указал на актуальность постановки данной темы, затрагивающей вопросы взаимоотношений украинцев и поляков, получившие разрешение лишь в результате соглашения нынешнего демократического правительства Польши с СССР. При разработке темы диссертант столкнулся с большими трудностями, обусловленными дефектностью этнической статистики в довоенной Польше, как и в большинстве стран Европы, неразработанностью терминологии и методологии определения этнических границ и этнографических территорий, близостью обоих исследуемых народов в отношении языка, многих сторон материальной культуры и быта. Эти трудности диссертант в основном преодолел путем привлечения и сопоставления мно-